

Чжао Бо

## **Мифологические представления об огненной стихии в традиционных культурах народов мира**

*Исследуется образ огня в традиционной картине мира разных этнических групп. Определяется место огненной стихии в универсальной мифологической системе и архаических культурных традициях. Анализируя древнегреческую и древнеримскую мифологию, примеры художественного воплощения образа в культуре европейских и, в частности, восточнославянских народов, автор приходит к выводу, что в большинстве случаев представление об огне имеет двойственный характер. Созидательная трактовка огненной стихии связана с ритуалами очищения, трансформации, обновления, тогда как его разрушительная сила передается в образах бедствия, наказания «свыше», уничтожения и дальнейшего перерождения.*

Огонь, наряду с другими первоначальными веществами, играет важнейшую функциональную, семантическую и мифологическую роль в мировых культурах. Он символизирует трансформацию, очищение, энергию, мощь и силу, но также разрушение, наказание, обновление через уничтожение, что свидетельствует о внутренней амбивалентности стихии. Огонь и пламя олицетворяют истину и знание, которые избавляют от лжи, невежества, иллюзий и даже смерти. Так, древний обряд крещения огнем восстанавливает чистоту и ассоциируется с проходом через огонь – для обретения рая. Огонь участвует в строении мира и в какой-то степени управляет им: жизнь людей и природы зависит от солнца – огненного светила, которое дарит свет и тепло.

Цель статьи – рассмотреть стихию огня в мифах и легендах народов мира, выявить универсальность и масштабность художественного образа. Основными источниками при работе над статьей стали мифологические представления и легенды разных народов, а также исследования А. Е. Богдановича [2], М. М. Маковского [5], Э. М. Яншиной [10], статьи Т. А. Агапкиной [1], О. В. Котович [3], А. Д. Охоцимского [6], С. А. Токарева [8], А. Л. Топоркова [9].

«Огонь – наиболее загадочная из четырех стихий, с которой человечество имеет глубокие и многогранные взаимоотношения», – пишет А. Д. Охоцимский [6, с. 168]. Для многих народов огонь представляется самостоятельным одушевленным существом, способным «рождаться», «умирать» и «порождать себе подобных». Кроме того, он «нуждается в питании, проявляет упорство и желание жить» [Там же].

В народных представлениях огненная стихия, наряду с воздухом, водой и землей, является основой мироздания. Огонь нередко противопо-

ставляют воде и в то же время объединяют с ней, так как обе стихии обладают пластичностью и отсутствием жесткой формы. В мифологии разных народов «...и огонь, и вода являются посредниками, связывающими мир мертвых и мир живых, “тот” и “этот” свет» [9, с. 336]. Символика огня имеет двойственный характер: с одной стороны, огонь представляется в виде уничтожающего, карающего, грозящего смертью пламени, с другой – как стихия творческого, активного начала, подвластного людям. Многие европейские этносы хорошо понимали это и чтили огонь, считали его священным.

Огонь называют первоэлементом Вселенной, что отражено в языковой картине мира. Например, индоевропейский корень *ker-* буквально означает «гореть», но также и *kerd-* – «середина», а древнеиндийский корень *ardha-*, связанный с огнем, переводится как «середина, порядок, гармония» [5, с. 240]. По мнению исследователя в области этнолингвистики М. М. Маковского, семантика слова «огонь» преимущественно положительная: соотносится со значениями «светлый, блестящий», «чистый», «подниматься вверх», «имущество, богатство» и т. д. [Там же, с. 241]. В ряде случаев огонь этимологически связывают со словом «змея»: например, индоевропейский корень *ater-* («гореть») перешел в английское *adder*, что буквально означает «змея». Такая трактовка, вероятно, мотивирована сравнением с извивающимися языками пламени. М. М. Маковский указывает, что слова с «огненным» значением могли использоваться в качестве определения «чистый», что подразумевает очищение огнем. С огненной стихией соотносится понятие таинства: латинское *rogus* (костер) родственно слову *rugna* (тайна) [Там же, с. 243]. В отличие от водной стихии, огонь всегда воспринимался как мужское начало, что отражается и на уровне лингвистики. Например, немецкое слово *kerl* (человек, мужчина) связано с корнем *ker-* (гореть). В индоевропейском праязыке корень *ar-* трактуется как «мужской, мужчина» и «гореть» [Там же]. Эти множественные значения воплощаются в мифопоэтических трактовках образа огня.

В мировой космогонии существует коллективное представление о небесном, подземном и земном огне, соотносимое с основными уровнями мироздания. Так, небесный огонь – светлый, чистый, созидательный, благодаря ему произошли солнце, луна и звезды. Небесный огонь нередко «падает» на землю в виде молнии, огненного дождя, кометы, что, согласно поверьям, являлось либо карой богов, либо знамением. Подземный огонь считался «адским», «дьявольским» и колдовским, символизировал разрушение и смерть. Огненные образы впечатляюще воплотились в европейской живописи: «Мучения в аду» Яна Мандейна и «Сошествие Христа во ад» Питера Хейса (XVI в.); «Большая комета над Роттердамом» (1680) Л. П. Версхюра; «Зов неба» («Молния») Н. Рериха (1936).

По мысли А. Л. Топоркова, «огонь стихийный противопоставлен огню домашнему, несущему свет и тепло. Приготовление пищи в печи являлось фундаментальной метафорой преобразования природных явлений в факты культуры. В фольклоре и обрядности огонь сжигает, уничтожает и одновременно возрождает к новой жизни, очищает, возвращает молодость и здоровье» [9, с. 336].

В мифологических представлениях белорусов огонь считался одной из основ семьи и быта, понимался как начало целебное и очищающее. Как отмечал А. Е. Богданович, «осквернять огонь плевками или чем-нибудь в этом роде, считается делом нечестивым и небезопасным» [2, с. 15]. В качестве древнейшего стихийного элемента огонь также воспринимался как скрепляющий союзы и родственные узы. «Так, невеста, прибывшая в дом жениха, чтобы “освоиться” в нем, кланяется очагу и прикасается к нему руками. То же делает и жених, идущий в чужую семью» [Там же, с. 17]. Подобные традиции и восприятие огня характерны для многих славянских народов.

Огонь воспринимался как символический посредник между человеком и божеством во время отправления языческого культа. «В дикой природе огонь встречается крайне редко – он является определяющим элементом именно человеческого бытия. Его функции разнообразны и противоречивы: он разрушает и придает форму, соединяет вещества и разделяет их, способствует жизни и может отнять ее», – отмечает А. Д. Охоцимский [6, с. 169].

Исследования свидетельствуют о том, что опыты в сохранении, транспортировке и производстве огня – важные моменты в истории человечества – были выполнены в большей степени интуитивно. Использование огня вместе с возможностью сначала управлять им, а затем воспроизводить его, привели человека к фундаментальным и эпохальным изменениям в его отношениях с другими людьми и с окружающей средой в целом. Стихия огня начинает использоваться в качестве средства для создания лучших условий быта и одновременно функционального, смертоносного охотничьего оружия; как средство уничтожения лесов и очистки территории для пастбищ; способ сигнальной коммуникации; ритуальный элемент в огненном погребении; орудие защиты и нападения.

Значимость огня для человечества отражена в древнегреческой легенде о титане Прометее [4]. Широко известный древний миф является одним из самых ярких и драматичных повествований «огненной тематики» и имеет дидактический подтекст: огненная стихия изменила судьбу человечества к лучшему, стала источником тепла и света, символом дома, домашнего очага; при этом огонь остается непостижимой божественной силой, безудержной, пугающей и притягательной. Образ Прометея, дарящего огонь, популярен в искусстве: таким его запечат-

лели фламандский художник Ян Косье («Прометей, несущий огонь людям», 1637), итальянский скульптор Пьетро Стаджи («Прометей и первый человек», 1793), русский композитор Александр Скрябин (симфоническая поэма «Прометей. Поэма огня», 1910).

Значение огненной стихии подтверждается традициями, описанными в древнегреческом эпосе. Так, Вергилий в Энеиде рассказывает об Энее, который уносит священный огонь из Трои. В главном здании любого греческого города обязательным атрибутом являлась жаровня, где горел огонь богини домашнего очага Гестии, который не должен был гаснуть.

В Древнем Риме вечный огонь, символ божественного света, был помещен в храме Весты, от него зажигались другие священные огни. Весталки – девственные жрицы должны были сохранять огонь: его угасание, как и потеря девственности, наказывались смертным приговором. Священный огонь в храмах продолжал гореть до 391 г. н. э., когда с принятием христианства все языческие обряды были запрещены, что практически не сказалось на значимости культа огня и его широком распространении в народных обычаях. Художественные воплощения Весты и весталок немногочисленны, но очень значимы: их образы запечатлели французский живописец Жан Рау («Весталка, несущая огонь», начало XVIII в.), испанский художник Франсиско Гойя («Жертвоприношение Весте», 1771), итальянский скульптор Рафаэль Монти («Весталка», 1847) и др.

Мифы о происхождении огня являются одними из самых распространенных. Так, в мифах африканских народов встречается мотив получения огня от верховного божества или духа, либо отданного по доброй воле, либо украденного людьми тайком. Особенно популярен мотив похищения в мифах североамериканских индейцев: добыча огня приписывается животным, выступающим в роли культурных героев (койоту, бобру, кролику, лисице, ворону и др.). Существуют мифы, где похищение заменено поисками огня в далекой стране, на небе, луне.

В некоторых мифах, где главными персонажами являются люди, получение и обладание огнем приписывается женщине. «В этих вариантах мифов об огне нашли отражение некоторые черты реальной действительности (у всех древних народов хранительница домашнего огня – обычно женщина)», – отмечает С. А. Токарев [8, с. 239]. У многих народов Севера огонь отождествляется с женскими образами: «мать огня», «хозяйка домашнего огня»; «хозяйку огня» представляли собой известные женские фигурки эпохи верхнего палеолита и более позднего времени, нередко находимые в древних жилищах вблизи очага» [Там же].

В сложных и масштабных мифологических системах огонь и его образы-проявления становятся объектом поклонения. В зороастризме огонь выступает как священная стихия и воплощение божественной

справедливости [Там же]. С огнем связан образ скандинавского бога Локи и древнеславянского Сварога. На особое «почитание белорусами огня вообще и домашнего очага в частности» указывал А. Е. Богданович: «...у наших предков огонь почитался наряду с солнцем, как родные братья, как светоносные и теплотворные начала» [2, с. 15].

У восточных славян особо почитался «живой огонь», добытый трением двух кусков дерева друг о друга – он имел охранительные и очищающие ритуальные функции: им подпаливали соломенное чучело на Масленицу, разжигали купальский костер; через живой огонь, чтобы уберечь от болезней, проводили стадо.

Китайцы также поклонялись огню как «живой» стихии. Всякий праздничный китайский цикл начинался добыванием «живого огня» трением. Культурным героем, впервые добывшим огонь трением, был Суй-жэнь, называемый «создателем огня»: «...в глубокой древности люди болели от сырой пищи, и тогда появился святой мудрец, который добыл огонь трением (суй), народ обрадовался этому и поставил его править Поднебесной, дав ему прозвание Суй-жэнь-ши (букв. род Суй-жэня)» [7].

Сакрализация огня проявляется в культурных традициях многих народов: в погребальных обрядах, жертвоприношениях, ритуалах прохождения и очищения. Огонь символизирует течение времени: через обряды, народные праздники отмечается прохождение годового цикла и движение солнца как символа света и возрождения. Он играет роль посредника между человеком и богом как элемент общения, средство передачи посланий и перехода жизни из одного измерения в другое.

Одной из наиболее ярких ритуальных форм стихии огня всегда считался костер: «С одной стороны, костер является определенной формой воплощения обрядовых событий, то есть вокруг него закручивается ход сакральных действий, он становится обрядовым эпицентром этнокультурной практики социума. С другой стороны, подготовка самого костра воспринимается участниками обрядовой практики сакральным актом космического миротворения в пространственно-временных координатах существования данного социума» [3, с. 278]. Такой костер нередко был главной составной частью многих обрядов календарного и семейного круга, а также хозяйственных событий и лечебных процедур. В большинстве регионов костры жгли в весенне-летний период и реже – осенью и зимой. У славян преобладали масленичные и купальские костры, которые несли в себе не только собственно обрядовую, но и солярную символику. Такие обряды известны у русских, украинцев и белорусов, сербов, болгар, македонцев, хорватов и многих других народов. Как отмечает Т. А. Агапкина, «в соответствующих локальных традициях, масленичные и купальские костры являются центром календарного праздника, объединяющим вокруг себя весь комплекс совершаемых в это время ритуалов и магических действий» [1, с. 251].

О. В. Котович полагает, что использование огня в обрядовой практике «сводилось преимущественно к упразднению, утилизации изживших себя форм, состояний, энергий и стимулирования социума к созданию новых объектов бытия» [3, с. 277]. Разжиганием ритуальных костров у белорусов отмечено большинство годовых календарных праздников – Масленица, Громницы, Благовещение, Юрьев день, Троица, Купалье, Петров день, Коляды. Образ купальского костра красочно представлен в белорусской живописи: «На Купалье» (1921), «Ночь на Ивана Купала» (1925) М. Филипповича, «Купалье» (1882) А. Барановского, «Купальская ночь» (1990-е гг.) В. Ясюка.

Обрядовая культура народностей Китая связана с верой в священный огонь, в культе которого присутствует сочетание огнепоклонничества и чествования Солнца. Обряд «возжигания Солнца» (зажжение ритуального костра) приурочивается к весеннему и осеннему равноденствию, зимнему и летнему солнцестоянию. Особенное значение придавалось огню «гоху» (огонь царства), зажженному в день весеннего равноденствия: магия ритуального огня влияла на обновление и укрепление энергии солнца, способствуя плодородию [10, с. 107].

Таким образом, мифологические представления об огне в большинстве культурных традиций неоднозначны. С одной стороны, огонь выступает как созидательная энергия, благоприятствующая росту растений и развитию всего живого на земле, с другой – огненная стихия обладает могучей разрушительной силой, она способна наносить колоссальный вред и угрожать жизни. Огню отводится важная, а порой и первичная роль в религиозных культурах, где он символизирует божественную силу и исполнение божественной воли; через огонь происходит ритуальный контакт, активизируется связь между человеком и божественным началом.

1. Агапкина, Т. А. Костер / Т. А. Агапкина // Славянская мифология : энцикл. слов. / отв. ред. С. М. Толстая. – 2-е изд. – М., 2019. – С. 251-253.

2. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов : Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Репр. воспроизведение изд. 1895 г. – Минск : Беларусь, 1995. – 186 с.

3. Котович, О. В. Ритуальные костры в традиционной обрядовой практике белорусов: семантические и структурно-функциональные аспекты / О. В. Котович // Культура. Наука. Творчество : XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 мая 2017 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: Ю. П. Бондарь [и др.]. – Минск, 2017. – С. 277-282.

4. Лосев, А. Ф. Прометей / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М., 1992. – Т. 2: К–Я. – С. 337-340.

5. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

6. Охоцимский, А. Д. Огонь в Библии / А. Д. Охоцимский // Огонь и Свет в сакральном пространстве : материалы Междунар. симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. – М., 2011. – С. 168-190.

Тэорыя і гісторыя мастацтва

7. Рифтин, Б. Л. Суй-жэнь / Б. Л. Рифтин // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М., 1992. – Т. 2. – С. 474.
8. Токарев, С. А. Огонь / С. А. Токарев // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М., 1992. – Т. 2. – С. 239–240.
9. Топорков, А. Л. Огонь / А. Л. Топорков // Славянская мифология : энцикл. слов. / отв. ред. С. М. Толстая. – 2-е изд. – М., 2019. – С. 336–337.
10. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Наука, 1984. – 248 с.

Zhao Bo

**Mythological concepts of the fire element  
in traditional cultures of the peoples of the world**

*The article is devoted to the study of the image of fire in the traditional picture of the world of different ethnic groups; it determines the place of the fire element in the universal mythological system and archaic cultural traditions. Analyzing ancient Greek and Roman mythology, examples of the artistic embodiment of the image in the culture of European and, in particular, East Slavic peoples, the author comes to the conclusion that in most cases the idea of fire has a dual character. The creative interpretation of the fire element is associated with rituals of purification, transformation, renewal, while its destructive power is transmitted in images of disaster, punishment "from above", destruction and further rebirth.*

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 04.10.2021.